This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PN
6505
.S5.E7
1894

STANFORD
LIBRARIES

ERMAKOV
POSLOVITSY
RUSSKAGO
NARODA

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Н. Я. ЕРМАКОВЪ.

ПОСЛОВИЦЫ

РУССКАГО НАРОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. А. Корнатовскаго.
Малая Морская, 9.

1894.

PN6505
S5E7
1894

Дозволено цензурою.

С.-Петербургъ, 5-го Декабря 1893 года.

Было время, когда грамотность, какъ средство передачи мысли и знанія, была недоступна простому народу, когда книжная мудрость выпадала на долю немногихъ, а постичь ее считалось подвигомъ. Такіе подвижники въ глуши келій писали въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ повѣствованія о дѣлахъ важнѣйшихъ, — обыкновенная же, будничная жизнь народа была недоступна для ихъ наблюденій; да и трудно было что-либо подмѣтить въ этой жизни, скованной обычаемъ и наполненной лишь заботой о существованіи, гдѣ всѣ дни были похожи одинъ на другой. Въ однообразномъ теченіи этой жизни народъ руководствовался примѣромъ дѣдовъ и отцовъ, — преданіемъ, идущимъ изъ глубокой древности. Тамъ онъ находилъ готовые уже примѣры на всевозможные случаи, новая же смѣлая и бойкая мысль, идущая въ разрѣзъ съ этимъ преданіемъ, не могла остановить на себѣ вниманія народа.

Оберегая сложившійся образъ жизни отъ всякихъ перемѣнъ и нововведеній, народъ опредѣляетъ всѣ мельчайшія подробности этой жизни, съ цѣлью дать опытное наставленіе и правила, какъ жить, что, когда и какъ дѣлать. Такія правила, выраженныя въ пословицахъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ путемъ преданія, сохранились отъ глубокой древности и до нашихъ дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пословица не представляетъ случайно высказаннаго мнѣнія или острой фразы по поводу текущихъ событій, потому что не

всякая мысль могла остановить на себѣ вниманіе народа, какъ достойная существованія и преданія; такая мысль забывалась вмѣстѣ съ прошедшимъ днемъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Только одна правда, всѣми испытанная и сознаваемая, удачно выраженная словомъ, обращается въ пословицу, ни кѣмъ незаучиваемую и всѣмъ извѣстную; она—неизвѣстно, когда и кѣмъ сочинена и, въ отличіе отъ обыкновенной разговорной рѣчи, облечена мѣрнымъ стихотворнымъ ладомъ, сохраняя въ себѣ, такимъ образомъ, нетолько мысль, но и форму рѣчи.

Употребленіе пословицъ извѣстно въ древности; они встрѣчаются уже въ лѣтописяхъ и другихъ древнѣйшихъ памятникахъ и называются тамъ *притчами*, которыя приводятся какъ свидѣтельство или доказательство. Слово притча на старинномъ языкѣ означаетъ случай, судьбу, несчастіе; такъ напримѣръ, Несторъ употребляетъ это слово въ его древнѣйшемъ смыслѣ, какъ изрѣченіе о судьбѣ, о роковомъ событіи: «*есть притъча во Руси и до сего дне: погибоша яко Обрѣ*». Слово притча употребляется также въ смыслѣ огласки, поношенія, какъ напр.: «*притча во языцѣхъ*». Притчи эти, по большей части, былины или событія, почему либо замѣчательныя, которыя относятся къ извѣстной эпохѣ; каждая изъ нихъ носитъ на себѣ болѣе или менѣе явственную печать своего времени и удовлетворительно объясняется сама собою.

Въ позднѣйшее время слово причта замѣняется словомъ *пословица;* такъ напр. въ Переяславской лѣтописи: «*есть же пословица въ Руси и до сего дни: погибоша, рече, яко Обори, безъ останка*». Первоначально же слово пословица употреблялось въ смыслѣ согласія, мира, совѣщанія: «*не быша пословици Псковичемъ съ Новгородци*». Въ позднѣйшемъ смыслѣ пословица означаетъ нетолько рѣченіе, слово, но даже отдѣльный звукъ, такъ напр. въ азбуковникахъ прошлаго вѣка встрѣчается такое опредѣленіе: «Грамати-

кія—тонкое уразумѣніе книжныхъ пословицъ, тонкогласныхъ, дебелогласныхъ, противу осмичастія». Въ этомъ же смыслѣ слово пословица употреблялось для означенія областного нарѣчія: «Многія пословицы приходили новгородскія». Вообще, въ позднѣйшее время, пословицею называли всякую поговорку, примолвку, что видно изъ слѣдующаго мѣста изъ записокъ Данилова 1771 года: «У Митрофана Осиповича была пословица *южъ*; по тогдашнему времени у всѣхъ такая мода была, или привычка, дабы въ разговорахъ примѣшивать какую-нибудь ничего незначущую примолвку».

Въ настоящее время пословицу опредѣляютъ какъ сокращенную притчу, пущенную въ оборотъ, какъ поученіе, высказанное обинякомъ. Пословица состоитъ изъ двухъ частей: общаго сужденія—картины и приложенія, толкованія или поученія; впрочемъ нерѣдко вторая часть пословицы опускается, предоставляя слушателю самому догадаться о примѣненіи общаго сужденія къ частному случаю, о которомъ идетъ рѣчь,—и тогда пословица почти не отличается отъ *поговорки*, которая, по народному опредѣленію, *цвѣточекъ*, а пословица—*ягодка*. Такимъ образомъ, поговорка есть ничто иное, какъ околичное выраженіе, переносная рѣчь, простое иносказаніе безъ притчи; это первая половина пословицы; она не говоритъ — пьянъ, а въ глазахъ двоится; не одинъ, а какъ верста въ полѣ. Снегиревъ, указывая на различіе между пословицей и поговоркой, ссылается на значеніе словъ: слово и говоръ, отъ которыхъ онѣ происходятъ. Слово-означаетъ мысль, проявленіе разума, а говоръ—лишь физическое проявленіе словъ и рѣчи.

Пословица, какъ изрѣченіе житейской мудрости, облеченное часто въ иносказательную форму, могла легко сойтись съ *загадкой*, которою простодушная старина думала выразить человѣческую хитрость и любознательность и передать изъ рода въ родъ познанія обо всемъ, что считалось великимъ и мудре-

нымъ. Сверхъ того, многія загадки—и по смыслу и по формѣ—ничѣмъ не отличаются отъ пословицъ и употребляются въ двоякомъ смыслѣ: и какъ загадки и какъ пословицы. Напримѣръ: Ничего не болитъ а все стонетъ — какъ загадка — значится свинья, а какъ пословица—ханжа, попрошайка; иная вода стоитъ крови—какъ загадка—значитъ слезы, и въ этомъ же смыслѣ употребляется и примѣнительно, какъ пословица.

Къ пословицамъ же, кромѣ поговорокъ и загадокъ, относятъ еще: пословное изрѣченіе, присловье, приговорку, скороговорку и прибаутку.

Пословнымъ изрѣченіемъ называютъ выраженіе, которое подъ видомъ пословицы вошло въ нашу бесѣду, но не заключаетъ въ себѣ никакой притчи, или иносказанія, напримѣръ: «*Творитъ Богъ волю свою*».

Приговорка или пустоговорка—изрѣченіе, иногда даже одно слово, часто повторяемое безъ особеннаго значенія; приговорки употребляются обыкновенно въ сказкахъ, какъ риторическое украшеніе, но нѣкоторыя изъ нихъ употребляются иногда и въ смыслѣ пословицъ, какъ напримѣръ: выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго; ниже травы, тише воды.

Присловье—весьма близко подходитъ къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ мѣстности: пенжане свою ворону на Москвѣ узнали, рязанцы синебрюхіе и др.

Скороговорка или чистоговорка слагается для упражненія въ скоромъ и частомъ произношеніи, а иногда употребляется и въ смыслѣ пословицы: рапортовалъ, рапортовалъ—не дорапортовалъ, сталъ дорапортовывать—зарапортовался; стоитъ попъ на копнѣ, колпакъ на попѣ, копна подъ попомъ и попъ подъ колпакомъ.

Прибаутки или пустобайки—общеизвѣстныя выраженія, употребляемыя обыкновенно ямщиками, сбитенщиками и разными торговцами; многія изъ такихъ прибаутокъ употребляются иногда въ смыс-

лѣ пословицъ: ночь темна, лошадь черна: ѣду, ѣду да пощупаю: тутъ-ли она; лошади чужія, кнутъ не свой—погоняй не стой.

Кромѣ случайнаго употребленія пословицъ въ лѣтописяхъ, юридическихъ актахъ, пѣсняхъ и сказаніяхъ, извѣстны цѣлые сборники пословицъ, относящіеся впрочемъ къ болѣе позднѣйшему времени, а именно, не ранѣе, какъ къ концу 14 вѣка. Въ разныхъ старинныхъ рукописяхъ, подъ заглавіями: Маргарита, Пчелы, Пчелиныя Очи, Цвѣтословія и др., между прочими статьями поучительнаго содержанія, часто помѣщаются собранія пословицъ. Первыми образцами для такихъ сборниковъ послужили сборники греческіе извѣстные, по большей части, подъ тѣми же названіями; впослѣдствіи, въ эти сборники вносились изрѣченія, заимствованныя изъ книгъ Св. Писанія, изъ лѣтописей и разныхъ актовъ; пословицъ же собственно народныхъ въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается сравнительно мало.

Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ рукописныхъ сборниковъ—Пчела—содержитъ въ себѣ собраніе изрѣченій изъ книгъ Св. Писанія, Твореній Отцовъ Церкви и эллинскихъ мудрецовъ; составленіе этого сборника относятъ къ 4 вѣку, а древнѣйшій славянскій его переводъ извѣстенъ въ 15 вѣкѣ. Сборники собственно русскихъ пословицъ появляются не ранѣе 17 вѣка; извѣстнѣйшій изъ такихъ сборниковъ носитъ заглавіе: *Повѣсти или пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту.* Неизвѣстный составитель этой рукописи между прочимъ говоритъ, что собранныя имъ пословицы не новость, что онѣ идутъ издавна и будутъ впредь держаться въ народѣ. Что касается собственно пословицъ, помѣщенныхъ въ этой рукописи, то они чисто русскія, народныя, за исключеніемъ весьма немногихъ, заимствованныхъ изъ книгъ церковно-славянскихъ; въ этомъ отношеніи настоящій сборникъ отличается отъ прежнихъ, наполнявшихся обыкновенно изрѣченіями изъ книгъ

Св. Писанія,—и самъ авторъ, сознавая это, оговаривается такимъ образомъ: «Аще ли речетъ нѣкто о писанныхъ здѣ, яко не суть писана здѣ отъ божественныхъ писаній, таковый да вѣсть, яко писана многая согласно святому писанію, точію безъ украшенія, какъ мірстіи жители простою рѣчію говорятъ».

Главнѣйшимъ источникомъ для печатныхъ сборниковъ пословицъ служили прежніе рукописные сборники, изъ которыхъ издатели заимствовали почти цѣликомъ весь матеріалъ, добавляя отъ себя сравнительно незначительную часть пословицъ, заимствованныхъ иногда тоже изъ книгъ церковно-славянскихъ. Вслѣдствіе этого, и печатные сборники долго еще сохраняютъ въ себѣ характеръ рукописныхъ, по преобладанію въ нихъ книжныхъ изрѣченій, не бывшихъ собственно пословицами.

Изъ печатныхъ сборниковъ пословицъ, первый по времени, подъ названіемъ: «Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ» помѣщенъ въ Письмовникѣ Курганова, изд. 1769 г.

Изъ послѣдующихъ изданій сборниковъ пословицъ болѣе извѣстны:

Русскія пословицы, собранныя Богдановичемъ, по препорученію Им. Екатерины II, изд. 1785 г.

Полное собраніе пословицъ и поговорокъ Д. К. (Д. Княжевича), изд. 1822 г.

Русскіе въ своихъ пословицахъ. И. М. Снегирева, изд. 1831—34 г.

Русскія народныя пословицы и притчи И. М. Снегирева, изд. 1848 г. Дополненіе къ нимъ Буслаева и Снегирева помѣщено въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачова за 1854 г.

Пословицы русскаго народа Даля, изд. 1862 г.

Кромѣ того много пословицъ помѣщено въ разныхъ сборникахъ, губернскихъ вѣдомостяхъ, въ изданіяхъ Географическаго Общества, Академіи Наукъ и др.

Изданіе пословицъ Богдановича отличается отъ *всѣхъ другихъ* изданій тѣмъ, что вошедшія въ него

пословицы переложены Богдановичемъ въ стихи; необходимость такого переложенія онъ объясняетъ такими соображеніями: «Въ первобытномъ ихъ рѣченіи, говоритъ Богдановичъ, всѣ пословицы составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, то есть двухсложною или трехсложною стопою, хотя не вездѣ снабжены богатыми риѳмами. Не удивительно, что добрые праотцы наши соблюдали болѣе смыслъ, нежели богатыя риѳмы, какія впрочемъ трудно или невозможно было находить всегда въ простонародномъ ограниченномъ словѣ. Всякъ можетъ легко уразумѣть, что въ послѣдствіи сіи пословицы, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе времени, долженствовали, естественнымъ образомъ, претерпѣть много измѣненій и поврежденій. Послѣ отца моего мнѣ досталась весьма старинная книга съ русскими пословицами, таковыми, какъ онѣ могли быть въ ихъ первобытномъ состояніи. Нѣкоторыя только требовали, для стихотворной мѣры, малаго дополненія, безъ перемѣны ихъ содержанія и силы; иныя же требовали только заглавнаго означенія, въ какомъ смыслѣ онѣ употребляются».

Къ сожалѣнію Богдановичъ испортилъ доставщуюся ему отъ отца старинную книгу съ русскими пословицами переложеніемъ ихъ въ стихи, исказивъ тѣмъ самымъ пословицы до неузнаваемости. Вотъ нѣсколько примѣровъ пословицъ переложенныхъ имъ въ стихи:

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съестъ.
Много скорбей,
Да немного смертей;
И какъ нѣту стыда,
Умереть не бѣда.
Добра бываетъ мало,
Какъ въ домѣ мужъ жену поставитъ подъ начало,
А то еще и хуже,
Когда себѣ жена раба находитъ въ мужѣ;
Но тамо золоте дно—
Гдѣ правитъ домомъ мужъ съ женою за одно.

Русскія народныя пословицы и притчи Снегирева—для своего времени довольно полное собраніе пословицъ, хотя въ немъ помѣщено много изрѣченій, небывшихъ собственно пословицами: *къ хорошей ухѣ пригодна рюмка добраго вина, — послѣ супу вина выпить, у доктора червонецъ отнять* и другія.

Русскіе въ своихъ пословицахъ Снегирева—тщательно обработанное сочиненіе, въ которомъ подробно указана литература пословицъ и источники ихъ происхожденія.

Самое полное и обстоятельное собраніе пословицъ принадлежитъ Далю. Въ предисловіи къ своему изданію, между прочимъ, онъ говоритъ, что изъ книгъ и печати взято имъ едва ли болѣе 6000 пословицъ, или около пятой части всего собранія, а всѣ остальныя пословицы заимствованы изъ частныхъ записокъ и, главнымъ образомъ, собраны имъ по-наслуху въ устной бесѣдѣ. Не говоря уже о полнотѣ этого сборника, самый способъ собиранія пословицъ ставитъ трудъ Даля въ особыя условія, — потому что пословица, особенно въ настоящее время существуетъ почти исключительно въ народѣ: доказывать же существованіе извѣстной пословицы на основаніи письменныхъ источниковъ слѣдуетъ съ большою осторожностію, потому что первоначальные составители такихъ источниковъ не имѣли въ виду исключительно пословицъ, а вообще желали составить сборники разныхъ изрѣченій и статей поучительнаго содержанія, на которыхъ наши грамотные предки любили останавливать свое вниманіе. Кромѣ того, отъ постоянной переписки этихъ сборниковъ, въ нихъ вкрались многія ошибки и неточности, вслѣдствіе которыхъ многія пословицы кажутся непонятными, а иногда и безсмысленными. Такъ напримѣръ, по рукописному сборнику Янькова читается пословица—*Кумища, сватища, проспишься, хватишься*—какъ неимѣющая смысла; между тѣмъ, эта-же пословица въ народѣ употребляется въ совершенно опредѣленномъ

смыслѣ: *кумишься, сватаешься — проспишься, спохватишься.*

Не смотря на безспорныя достоинства этого сборника пословицъ и сравнительно недавнее время, самое изданіе его имѣло непріятную исторію. По словамъ Даля, люди ученые по званію, признавая изданіе его сборника вреднымъ и опаснымъ, потому что нѣкоторыя пословицы, какъ напримѣръ: благословясь не грѣхъ, середа да пятница хозяину въ домѣ не укащица, могутъ вредно подѣйствовать на нравственность народа, сочли долгомъ поставить на видъ и другіе недостатки этого сборника, а именно: будто въ немъ рѣдкая пословица записана такъ, какъ она говорится въ народѣ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, ученые не нашли возможными одобрить это изданіе, такъ какъ, по ихъ словамъ: «домогаясь напечатать памятники народныхъ глупостей, г. Даль домогается дать имъ печатный авторитетъ».

Вслѣдствіе такого отзыва, самое изданіе пословицъ Даля своевременно не состоялось, и появилось въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ спустя, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Какъ бы въ дополненіе къ указанному взгляду ученыхъ людей, по поводу напечатаннаго въ журналѣ «Учитель» за 1870 годъ «Русскаго синтаксиса въ пословицахъ и поговоркахъ», составленнаго Деркачевымъ, редакція названнаго журнала сдѣлала отъ себя разъясненіе, по вопросу о томъ, какое значеніе она придаетъ упомянутому синтаксису; въ разъясненіи этомъ, между прочимъ, указывается, что такъ называемый народный языкъ не можетъ быть предметомъ изученія въ школѣ общаго образованія, требующаго со стороны языка грамматической правильности рѣчи,—каковая правильность менѣе всего можетъ быть усвоена изученіемъ языка пословицъ и поговорокъ, не подчиняющагося ни какимъ правиламъ грамматики.

Конечно, языкъ пословицъ, какъ языкъ по преимуществу народный, часто отступаетъ отъ установ-

ленныхъ грамматическихъ формъ, но такія отступленія встрѣчаются лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, а потому мнѣніе о неправильности языка пословицъ вообще — несправедливо; съ другой же стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что изъ всей массы пословицъ можно выбрать достаточное число пословицъ для составленія любого сборника, и при томъ такихъ, которыя, по обороту рѣчи, не представляли бы никакихъ уклоненій отъ языка литературнаго. Въ данномъ случаѣ дѣло заключается лишь въ томъ, что такой сборникъ былъ бы болѣе содержателенъ, чѣмъ сборники, наполняемые дѣланными фразами, вродѣ: Оля и Поля рвали цвѣты.

Затѣмъ, если изученіе языка пословицъ признается не желательнымъ въ школѣ общаго образованія, и если въ такомъ направленіи идти дальше, то, по тѣмъ же соображеніямъ, придется признать не желательнымъ также изученіе въ той же школѣ былинъ, народныхъ пѣсенъ и вообще народной литературы, а также и обученіе церковно-славянскому языку, потому что неправильности языка пословицъ весьма часто объясняются именно сходствомъ языка пословицъ съ церковно-славянскимъ языкомъ.

Самый употребительный порядокъ изданія пословицъ — *алфавитный;* его придерживаются почти всѣ издатели, хотя чтеніе пословицъ, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, по причинѣ чрезвычайной пестроты, слишкомъ утомительно. Алфавитный порядокъ размѣщенія пословицъ удобенъ лишь для пріисканія извѣстной уже пословицы.

Другой порядокъ, котораго придерживаются Богдановичъ, Снегиревъ (Русскіе въ своихъ пословицахъ) и Даль,—*систематическій*—группировка пословицъ по ихъ внутреннему смыслу и значенію. При такомъ расположеніи довольно полнаго сборника, по пословицамъ можно составить общую и цѣльную *картину,* въ которой есть глубокій смыслъ и значеніе. *Вотъ группы,* по которымъ расположены пословицы

у Даля: Богъ—вѣра, вѣра—грѣхъ, изувѣрство—расколъ, вѣра—исповѣданіе, судьба—терпѣніе—надежда и другъ.

Снегиревъ—въ изданіи своемъ «Русскіе въ своихъ пословицахъ» — дѣлитъ пословицы, по содержанію: на *антропологическія*, касающіяся человѣка и общества, куда относятся также и пословицы, касающіяся Бога, и *физическія*, относящіяся къ природѣ. Между антропологическими пословицами онъ различаетъ еще: *нравственныя*, *политическія*, *юридическія* и *діэтическія*, а между физическими—*метеорологическія* и *земледѣльческія*. По отношенію къ мѣсту и времени, всѣ пословицы Снегиревъ дѣлитъ: на *хронологическія*, *топографическія* и *этнографическія*. Въ каждомъ указанномъ дѣленіи онъ допускаетъ еще подраздѣленія; такъ напримѣръ, этнографическія пословицы онъ подраздѣляетъ: на *общественныя* и *фамильныя*, *городскія* и *деревенскія*. Предлагаемая Снегиревымъ система дѣленія пословицъ настолько сложна, что примѣнить ее на дѣлѣ можно только къ сравнительно небольшому числу пословицъ, какъ это и самъ онъ сдѣлалъ въ своемъ изданіи: «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Разобраться же по этой системѣ во всей массѣ пословицъ едва-ли возможно, вслѣдствіе необходимости одну и ту же пословицу повторять въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, потому что почти каждая пословица, касающаяся обыденной жизни, можетъ считаться и общественною, и фамильною, и городской и деревенской.

Буслаевъ, въ своей статьѣ: «Русскія пословицы и поговорки», помѣщенной въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній», разсматривая происхожденіе пословицъ въ связи съ исторіею языка, древними языческими обрядами и вѣрованіями народа, дѣлитъ пословицы: на пословицы, относящіяся къ миѳическому періоду,—и къ періоду христіанскому. Эти два періода въ историческомъ развитіи пословицъ отдѣляются другъ отъ друга распространеніемъ въ

народѣ христіанскихъ идей. Несмотря на то, что къ періоду миѳическому можетъ быть отнесено сравнительно небольшое число пословицъ, происхожденіе которыхъ объясняется древними языческими обрядами и вѣрованіями, тѣмъ не менѣе и эти немногія пословицы не всегда слѣдуетъ считать возникшими въ періодъ до-христіанской жизни народа, такъ какъ слѣды языческихъ вѣрованій народа, въ видѣ примѣтъ, разныхъ повѣрій и обрядовъ, существовали въ народѣ всегда и существуютъ даже до настоящаго времени. Посему, происхожденіе пословицы, смыслъ которой хотя и объяснялся бы языческими вѣрованіями, не можетъ быть еще отнесено къ періоду миѳическому, потому что происхожденіе такой пословицы возможно и въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ народныхъ суевѣрій и предразсудковъ,—каковое вліяніе настолько сильно и живуче, что даже многимъ святымъ православной церкви народъ приписываетъ качества, носящія явный характеръ язычества и не имѣющія ничего общаго съ христіанскими вѣрованіями.

Вотъ нѣсколько примѣровъ пословицъ, происхожденіе которыхъ Буслаевъ относитъ къ темнымъ временамъ язычества.

Врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ — по филологическимъ соображеніямъ Буслаева — относится къ періоду миѳическому, такъ какъ понятіе *о синемъ* сложилось первоначально въ народѣ подъ вліяніемъ явленій молніи и грома, и въ данномъ случаѣ выраженіе «въ синемъ» — значитъ въ синемъ пламени, въ молніи. Весьма вѣроятно, что понятіе *о синемъ* первоначально сложилось въ народѣ подъ вліяніемъ явленій грома и молніи, но дѣло въ томъ, что это первоначальное значеніе слова *синій* сохранилось въ народѣ и до настоящаго времени, такъ напримѣръ, въ народномъ выраженіи *синь-порохъ*—слово синь хотя и употреблено въ первоначальномъ его смыслѣ, *нестолько для* означенія цвѣта, сколько для опредѣле-

нія свойствъ грома и молніи, но такое выраженіе появилось очевидно не во времена язычества, а въ позднѣйшее время, послѣ изобрѣтенія самаго пороха и когда въ народѣ стали извѣстны свойства его. По мнѣнію Даля, въ приведенной пословицѣ рѣчь идетъ о синемъ суконномъ кафтанѣ, который въ народѣ считается признакомъ домовитости и богатства, а потому и самая пословица объясняется гораздо проще: врагъ разставляетъ-де сѣти про всякаго — попадется въ нихъ и синій кафтанъ, т. е. человѣкъ богатый и независимый.

Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли. По мнѣнію Буслаева, тутъ намекается на языческій обрядъ бракосочетанія. Между тѣмъ самое понятіе о вѣнчаніи и пѣніи его сопровождающемъ — есть уже понятіе христіанское. Слово *ели* можетъ быть употреблено для риѳмы, тѣмъ болѣе, что выраженіе—*вокругъ ели*—указываетъ, что дѣйствіе происходило въ лѣсу, гдѣ, да еще при участіи чертей, и по нынѣшнимъ убѣжденіямъ народа, какъ разъ подходящее мѣсто для всякаго дѣла, противнаго понятіямъ христіанской нравственности.

Взялъ боженьку за ноженьку, да и объ полъ. Для объясненія такой пословицы также нѣтъ нужды восходить ко временамъ идолопоклонства, такъ какъ такая пословица могла появиться въ любое время, вслѣдствіе сношеній русскихъ людей съ инородцами, между которыми и въ настоящее время встрѣчается много идолопоклонниковъ: они кормятъ и холятъ своихъ идоловъ, когда довольны ими, а если недовольны, то наказываютъ и издѣваются надъ ними.

Такъ какъ пословица образуется и живетъ, главнымъ образомъ, среди народа, незнающаго письменности, то она пользуется самою смѣлою риѳмою, какой не встрѣчается въ письменной литературѣ; въ пословицѣ—что созвучно на слухъ, то и риѳма, хотя бы буквы и не согласовались: бываетъ и на старуху *проруха; ты, язычекъ*, смалчивай, я за тебя бѣдку

плачивалъ. Въ иныхъ случаяхъ въ пословицѣ риѳмуютъ не однѣ и тѣ-же согласныя, а родственныя по органу произношенія: когда станешь *пахать*, будешь *болать*; здѣсь риѳмуютъ губные звуки п и б и гортанные х и г. Иногда въ пословицѣ слова риѳмуютъ не по согласнымъ, а по гласнымъ буквамъ и удареніямъ: зять да *шурин*ъ—чертъ ихъ *судит*ъ.

Относительно созвучія въ пословицѣ, кромѣ риѳмы, нужно отличать еще *аллитерацію*, которая происходитъ отъ созвучія не въ концѣ слова, какъ въ риѳмѣ, а въ началѣ, а также и вообще отъ созвучія цѣлыхъ словъ, хотя и не риѳмующихъ другъ съ другомъ своими окончаніями: два *сына*, да самъ въ *силѣ*; ѣхала *кума*, невѣдомо *куда*. Риѳма и аллитерація встрѣчаются иногда вмѣстѣ, что придаетъ пословицѣ необыкновенную живость: есть у молодца—не *схоронится*, нѣтъ у молодца — не *соромится*; *жни, баба, полбу, да жди себѣ по лбу*. Въ послѣднемъ случаѣ, аллитерація и риѳма усиливаются еще игрою словъ, —пріемъ довольно часто встрѣчающійся въ пословицахъ: *невинно вино, виновато пьянство; для почину выпить по чину; я — въ лысъ (влѣзъ), онъ — въ лысъ (влѣзъ), я—завязъ (за вязъ), онъ—завязъ (за вязъ)*.

Коренная форма пословицы, какъ преданія, отдѣльнаго эпизода изъ жизни народа, эпическая, но нерѣдко пословица принимаетъ лирическую форму и даже драматическую: *Акуля, что шьешь не оттуля? А я. матушка, еще пороть буду! Хороша дочь, Аннушка! Кто хвалитъ? Матушка.*

Въ пословицахъ можно найти образцы всевозможныхъ пріемовъ риторики, всѣ способы околичнаго выраженія, мѣткія и характерныя опредѣленія; въ нихъ высказывается вся гибкость ума, сила языка и, наконецъ, выработанная опытомъ жизни практическая философія. Пословица вообще полна мысли, строга и величава, добродушна до наивности; она не расточаетъ словъ на частные случаи, не касается исключеній, но раздается на пользу и поученіе

всѣмъ и каждому, касаясь всѣхъ сторонъ человѣческой жизни. Грубость и неприличіе нѣкоторыхъ изъ нихъ относятся къ тѣмъ временамъ простоты, когда порокъ, безъ всякихъ околичностей, назывался порокомъ. Съ теченіемъ времени, пословица, утративъ свое значеніе, отъ строгаго изрѣченія суда и правды спустилась до насмѣшки и порицанія; новѣйшая пословица отъ древней отличается своимъ ироническимъ тономъ; она охотно подмѣчаетъ человѣческія слабости и пошлости и издѣвается надъ ними. Но въ сущности и новѣйшая пословица, какъ выраженіе здраваго смысла всего народа, незлобива, что составляетъ отличительную черту ея юмора.

Важность и польза изученія народныхъ пословицъ заключается въ ближайшемъ отношеніи ихъ къ языку, исторіи и нравственности народа. Самое крѣпкое звено, соединяющее людей въ одну націю, составляетъ безспорно языкъ, а потому необходимо всестороннее изученіе его, для ознакомленія съ внутреннею жизнію народа.

Вытекая изъ жизни народной и проходя чрезъ всю его исторію, пословица сохраняетъ въ себѣ слѣды чуждыхъ нашимъ временамъ обстоятельствъ давно минувшей жизни. Вслѣдствіе этого, многія пословицы кажутся намъ ясными и примѣнительными къ современнымъ обстоятельствамъ; другія же, болѣе древнія, сложившіяся при обстоятельствахъ давно минувшей жизни, о которыхъ иногда и сама исторія не сохранила преданія, кажутся намъ непонятными,— или, утерявъ свой первоначальный смыслъ, употребляются уже примѣнительно къ современнымъ обстоятельствамъ. Пословица, какъ преданіе, идущее иногда изъ глубокой древности, первоначальнымъ источникомъ котораго служитъ опытъ жизни, гдѣ частное явленіе случайно и добровольно обращалось въ общее достояніе, какъ назидательный примѣръ, — носитъ въ себѣ, *поэтому*, отпечатокъ времени, раз-

STANFORD

отдѣльный смыслъ, или своеобразный от-
: *Незванный гость лучше званнаго; незван-*
ость хуже татарина; нежданный гость луч-
анныхъ двухъ;—бѣдность не порокъ; бѣдность
окъ, но и не добродѣтель; бѣдность не порокъ,
тъ ей радъ; бѣдность не порокъ, а вдвое хуже;—
—свѣтъ, не ученіе — тьма; неученье — тьма, а
—два.

слѣдствіе сношеній съ иностранцами, рус-
люди заимствовали многія пословицы съ
хъ языковъ; такія заимствованія происхо-
. какъ вслѣдствіе непосредственныхъ сноше-
такъ и путемъ литературнымъ, изъ книгъ,
водимыхъ съ иностранныхъ языковъ на рус-

Наибольшее число пословицъ заимствовано
книгъ Св. Писанія, такъ какъ эти книги
и самыя распространенныяи въ первое время
рической жизни русскаго народа почти един-
нныя. Затѣмъ, слѣдуютъ книги переведен-
съ греческаго языка, и отчасти съ латин-
го.

Вотъ нѣсколько примѣровъ заимствованныхъ по-
вицъ.

Богъ далъ, Богъ и взялъ (Кн. Іова I, 21: *Господь*
ле, Господь и отъя).

Не всякому слуху вѣрь (Сираха XIX, 16: *Не всяк-*
му словеси емли вѣру).

Отцы ѣли клюкву, а у дѣтей оскомина на зу-
хъ (Іезекіиля XVIII, 2: *Отцы ядоша терпкое, а*
убомъ чадъ ихъ оскомина бяша).

Не копай яму другому, самъ въ нее вгалишься
Псалмы Давида, LVI, 7: *Ископаша передъ лицемъ*
му, и впадоша въ ню).

До Бога высоко, до царя далеко (*Deus in altis*
habitat, rex procul equitat).

Безъ Бога ни до порога (*Sine Jore nec pedet*
more).

Нѣтъ дыма безъ огня (*Non est fumus, absque igne*).

ныхъ историческихъ обстоятельствъ, мѣстныхъ условій и окружающей природы.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя неправильности со стороны языка объясняются сохранившимися въ пословицахъ древними словами и оборотами рѣчи, нынѣ уже неупотребляемыми, или употребляемыми, въ смыслѣ не всѣмъ понятныхъ областныхъ рѣченій. Поэтому въ пословицахъ довольно часто встрѣчаются славянскія формы: ворогъ, глава, матерь и проч.

Мѣстоимѣнія *ся* и *се* часто ставятся передъ глаголами: *бѣденъ часто ся озиряетъ.*

Прилагательное сказуемое иногда не согласуется съ подлежащимъ, а употребляется въ среднемъ родѣ: *левъ—страшно а обезьяна—смѣшно.*

Грамматическій родъ именъ существительныхъ, въ иныхъ случаяхъ, согласуется съ древнѣйшими представленіями о разныхъ миѳическихъ существахъ: такъ слово *лебедь*, въ пословицахъ, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, всегда употребляется въ женскомъ родѣ: *бѣлая лебедь.*

Вмѣсто винительнаго падежа употребляется именительный, особенно при глаголахъ въ неопредѣленномъ наклоненіи: *астрологія умѣть, любовь къ Богу имѣть.*

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ склоняются также несклоняемыя слова: *есть нѣта лучше; авось небосю братъ.*

Иногда одна и таже пословица, сохраняя свой опредѣленный смыслъ, измѣняется сообразно мѣстнымъ условіямъ и окружающей природѣ, какъ бы приноравливается къ нимъ: *Гдѣ была вода, тамъ и будетъ; гдѣ была трава, тамъ и будетъ;—въ копнахъ — не сѣно, въ кабалахъ — не деньги; въ копнахъ не сѣно, людяхъ — не деньги.* Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что всякая пословица лишь къ слову молвится и что на всякій отдѣльный случай имѣется и отдѣльная пословица; иногда же для этой цѣли измѣняется или дополняется одна и та же пословица, пріобрѣтая черезъ каждое измѣ-

неніе отдѣльный смыслъ, или своеобразный оттѣнокъ: *Незванный гость лучше званнаго; незванный гость хуже татарина; нежданный гость лучше жданныхъ двухъ;—бѣдность не порокъ; бѣдность не порокъ, но и не добродѣтель; бѣдность не порокъ, да чертъ ей радъ; бѣдность не порокъ, а вдвое хуже;—Ученье—свѣтъ, не ученіе—тьма; неученье—тьма, а ученье—два.*

Вслѣдствіе сношеній съ иностранцами, русскіе люди заимствовали многія пословицы съ чужихъ языковъ; такія заимствованія происходили, какъ вслѣдствіе непосредственныхъ сношеній, такъ и путемъ литературнымъ, изъ книгъ, переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Наибольшее число пословицъ заимствовано изъ книгъ Св. Писанія, такъ какъ эти книги были самыя распространенныяи въ первое время исторической жизни русскаго народа почти единственныя. Затѣмъ, слѣдуютъ книги переведенныя съ греческаго языка, и отчасти съ латинскаго.

Вотъ нѣсколько примѣровъ заимствованныхъ пословицъ.

Богъ далъ, Богъ и взялъ (Кн. Іова I, 21: *Господь даде, Господь и отъя).*

Не всякому слуху вѣрь (Сираха XIX, 16: *Не всякому словеси ємли вѣру).*

Отцы ѣли клюкву, а у дѣтей оскомина на зубахъ (Іезекіиля XVIII, 2: *Отцы ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомина быша).*

Не копай яму другому, самъ въ нее ввалишься (Псалмы Давида, LVI, 7: *Ископаша передъ лицемъ яму, и впадоша въ ню).*

До Бога высоко, до царя далеко *(Deus in altis habitat, rex procul equitat).*

Безъ Бога ни до порога *(Sine Jove nec pedem move).*

Нѣтъ дыма безъ огня *(Non est fumus, absque igne).*

Собаку съѣлъ *(Linguam caninam comedit).*

Душа въ пятки ушла *(Animus in pedes decidit).*

По одежкѣ протягивай ножки—сходна съ персидской: *не протягивай ногъ дальше своего ковра.*

Пословица перебрала всѣ собственныя имена, и каждому имени, какъ названію отдѣльнаго лица, дала свой особый смыслъ и характеръ. Возможно, что, въ рѣдкихъ случаяхъ, существовали лица извѣстнаго имени, которые и послужили поводомъ къ составленію о нихъ народныхъ сказаній, и впослѣдствіи эти же имена, съ извѣстнымъ уже характеромъ, попали въ пословицу.

Часто имена собственныя, значеніе которыхъ по производству своему съ чужого языка было не понятно для русскаго народа, употребляются въ пословицахъ для риѳмы. Но кромѣ этого стремленія къ риѳмѣ и созвучію, пословица, какъ сказаніе о частномъ случаѣ въ жизни народа, по возможности, избѣгаетъ такихъ словъ, какъ: человѣкъ, люди, выражающихъ понятія общія, а старается замѣнить ихъ именами болѣе частнаго характера, каковы: кумъ, сватъ, братъ, или какое-нибудь собственное имя, какъ бы названіе извѣстнаго лица.

Русскій человѣкъ вообще не любитъ опредѣленнаго календарнаго исчисленія времени и охотнѣе означаетъ время своими сельскими работами, пріурочивая начало или конецъ такихъ работъ къ извѣстному празднику. Почти каждому занятію въ сельскомъ быту отведены опредѣленные дни и, при починѣ каждой работы, набожный русскій человѣкъ служитъ обыкновенно молебенъ святому, память котораго празднуется въ этотъ день, отчего и самый святой въ воображеніи его становится какъ бы покровителемъ этого дѣла: *Ирина-капустница* (въ день Ирины, 5-го мая, начинаютъ садить капусту), *Іеремей-запашникъ, или запрягальникъ* (начинаютъ пахать), *Ѳедосья-колосница* (начинаетъ колоситься рожь), причемъ дни празднованія этихъ святыхъ сопровож-

даются иногда разными обрядами, получившими начало во времена язычества. Впрочемъ, причина того обстоятельства, почему народъ приписываетъ многимъ святымъ покровительство нѣкоторымъ занятіямъ, предметамъ и животнымъ, объясняется иногда земною жизнію святыхъ, такъ напримѣръ, Власій (11 Февраля) считается покровителемъ животныхъ, потому что въ житіи его, между прочимъ, разсказывается, что будучи въ пустынѣ, онъ былъ окруженъ дикими звѣрями, и если который изъ нихъ былъ боленъ, то исцѣлялся возложеніемъ на него рукъ святого; такимъ образомъ Власій, по созвучію съ именемъ языческаго бога Волоса, какъ бы наслѣдовалъ отъ него покровительство надъ рогатымъ скотомъ. Въ житіи Вонифатія (19 Декабря) разсказывается, что, до обращенія къ Богу, онъ предавался пьянству, а потому народъ обращается къ нему съ молитвами объ избавленіи отъ пьянства.

Точно также въ пословицахъ имена собственныя употребляются въ смыслѣ указанія на извѣстный день, къ которому, смотря по времени года, народъ пріурочиваетъ разныя требованія, вытекающія изъ экономическихъ соображеній. Такимъ образомъ, ко дню *осенняго Егорія* и ближайшему къ нему дню *Кузьмы и Даміана*, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ *кузьминокъ*, пріурочиваются обыкновенно въ деревенской жизни сроки разсчетовъ по разнымъ обязательствамъ, на томъ основаніи, что къ этому времени оканчиваются лѣтнія работы, собирается хлѣбъ, который можно продать и достать, такимъ образомъ, денегъ. Но должникъ можетъ не явиться къ условленному дню Егорія или Кузьмы, можетъ обмануть и поставить заимодавца въ безвыходное положеніе— *подъегорить или подкузьмить*, какъ народъ выражается въ этихъ случаяхъ.

По навыку и привычкѣ, мы весьма часто употребляемъ пословицы въ совершенно опредѣленномъ значеніи, какъ бы узаконенномъ для обязательнаго

всѣхъ и каждаго уразумѣнія, и, тѣмъ не менѣе, не можетъ уяснить себѣ ни причины и обстоятельствъ ихъ первоначальнаго происхожденія, ни скрытые временемъ примѣры и притчи, которые положены въ ихъ основу.

Въ заключеніе нашего очерка, мы приведемъ объясненія нѣсколькихъ такихъ пословицъ.

Александръ храбръ, и отъ худого умеръ. Александръ Македонскій, который по народному преданію умеръ отъ пьянства.

Аника-воинъ—говорятъ о человѣкѣ, хвастающемъ своею храбростію. По народному преданію, Аника-воинъ, убивъ въ единоборствѣ своего противника, началъ хвастать и смѣяться надъ самою смертію; а когда смерть внезапно предстала предъ нимъ, то онъ сталъ униженно просить у нея прощенія за свою дерзость.

Баклуши бить. Баклушами называются плахи дерева, нѣсколько отесанныя, оболваненныя, изъ которыхъ, впослѣдствіи, по просушкѣ ихъ, приготовляются ложки, чашки и разныя другія издѣлія. Бить бакуши, т. е. отесывать дерево отъ грубыхъ неровностей для того только, чтобы его удобнѣе было сложить для просушки, ремесло самое пустое, за которое человѣкъ берется только тогда, когда ему уже нечего дѣлать. Поэтому бить баклуши, въ переносномъ смыслѣ, значитъ шататься безъ дѣла съ обычными пустяковыми при этомъ разговорами.

Бей въ доску, поминай Москву—отъ частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ, бывшихъ въ Москвѣ, и отъ обычая бить въ такихъ случаяхъ тревогу въ металлическія доски.

Богатый бережетъ рожу, а бѣдный одежу, т. е. въ дракѣ.

Богданушки—всѣ батюшки. Богданушками въ народѣ назывались незаконнорожденныя дѣти, которыя воспитывались у Божедома при убогихъ домахъ, откуда не рѣдко ихъ брали къ себѣ на воспитаніе и для усыновленія бездѣтные супруги.

Богъ знастъ да царь. Въ старину, когда бояре подавали царю какое-либо мнѣніе, или совѣтъ, то, обыкновенно, заключали его такими словами: а свыше сего, Государь, вѣдаетъ Богъ да ты, какъ тебѣ Богъ на сердце положитъ.

Богъ не Мануковъ: и безъ посула милуетъ. Мануковъ, бывшій въ царствованіе Анны Ивановны петербургскимъ вице-губернаторомъ, казненъ въ 173 году за взятки.

Борода глазамъ замѣна, т. е. можно, при случаѣ, плевать въ бороду, вмѣсто глазъ.

Борода—лишняя тягота: надпись на монетѣ временъ Петра Великаго, выдаваемой на право носить бороду, за что ежегодно уплачивалось отъ 30-ти до 50-ти и даже до ста рублей; вслѣдствіе этого же, въ народѣ сложилась другая пословица: *безъ рубля бороды не отростишь.*

Бочка меду, да ложка дегтю. Въ народѣ существуетъ мнѣніе, что самая незначительная часть дегтю можетъ придать горечь и испортить большое количество меду, а потому о всякомъ дѣлѣ, въ которомъ, между выставленными на показъ выгодами, проглядываетъ на первый разъ незамѣтная хитрость, могущая впослѣдствіи испортить все дѣло, говорятъ, что тамъ заключается бочка меду, да ложка дегтю.

Братъ не братъ, такъ отдай мой крестъ. Въ старину былъ обычай, что совершенно чужіе люди добровольно обязывались на всю жизнь взаимной помощію и дружбой; въ знакъ своей дружбы они обмѣнивались тѣльными крестами и назывались потомъ *побратимами и посестрами.* Обычай этотъ не такъ давно держался еще въ бурлацкихъ артеляхъ. Въ случаѣ разрыва дружбы, кресты возвращались обратно.

Бросить съ камнемъ въ воду. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Шемяка въ Вологдѣ, а Іоаннъ IV въ Новгородѣ расправлялись такимъ образомъ съ по-

бѣженными. Преданіе говоритъ, что будто такія казни случались и въ царствованіе Анны Ивановны, что называлось спрятать *концы въ воду.*

Будешь жить ровно за Буемъ, т. е. спокойно. Буй, городъ Костромской губерніи, построенъ въ малолѣтство царя Ивана Васильевича для защиты отъ буйныхъ набѣговъ казанскихъ татаръ.

Была правда у Петра и Павла—въ Московскомъ застѣнкѣ у церкви Петра и Павла, гдѣ производились пытки: выпытывалась правда, вмѣсто которой истязуемый часто говорилъ всякій вздоръ, съ цѣлью добиться скорѣйшаго прекращенія пытки.

Было три жены, да всѣ неострижены, т. е. не умны. Смыслъ пословицы становится яснымъ по сравненію съ другою пословицею: *у женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ.*

Бьютъ волка и на чужомъ колкѣ. Охота на волковъ дозволяется вездѣ и во всякое время.

Бѣда, аки въ Роднѣ. Воспоминаніе объ ужасномъ голодѣ, который претерпѣлъ Ярополкъ въ Роднѣ въ въ 980 году.

Бѣсъ не пьетъ не пьетъ, а святъ не живетъ—говорится въ укоръ святошамъ, соблюдающимъ постъ.

Внизъ вода несетъ, а вверхъ бѣда везетъ (внизъ вода снесетъ, а вверхъ кабала сведетъ). Еще недавно на Волгѣ существовалъ особый промыселъ—бурлачество, нынѣ исчезнувшій, вслѣдствіе развитія пароходства. Внизъ по Волгѣ, по теченію, суда несло водою, а бурлакамъ оставалась сравнительно легкая работа—управлять ими; но когда тѣ-же суда приходилось тянуть лямкою вверхъ, противъ теченія, то это была работа столь трудная и изнурительная, что закабалить людей на такую работу могла только безъисходная нужда.

Во всю—ивановскую (кричать). Въ Москвѣ, по старинному обычаю, бояре, дьяки и чиновные люди собирались обыкновенно на Ивановской площади, въ Кремлѣ, съ цѣлью потолковать о своихъ дѣлахъ,

узнать разныя новости, или для совершенія какихъ-либо сдѣлокъ. Тутъ же объявлялись во всеуслышаніе, громкимъ голосомъ, во всю Ивановскую площадь, царскіе указы. Иногда здѣсь наказывались дьяки за взятки и лихоимство; наказаніе это состояло въ томъ, что ихъ выставляли на позоръ, обвѣшанныхъ украденными вещами: мѣхами, соленой рыбой и проч., а въ иныхъ случаяхъ еще били ихъ нещадно кнутами и батогами, отчего они кричали также во всю Ивановскую площадь.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая прекратить своеволіе крестьянъ, назначилъ днемъ перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому--Юрьевъ день (26 ноября). Полагаютъ, что пословица возникла въ то время, когда переходъ этотъ былъ ограниченъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ и окончательно уничтоженъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Но, съ другой стороны, и ранѣе воспрещенія перехода, для крестьянъ часто съ Юрьевымъ днемъ соединялись непріятныя воспоминанія по другимъ причинамъ. Въ этотъ день помѣщики обыкновенно спаивали крестьянъ, которые съ-пьяна заключали убыточныя для себя условія и лишь на другой день, отрезвившись, начинали сознавать всю невыгодность заключенной сдѣлки и раскаиваться, что не съумѣли, какъ слѣдуетъ, воспользоваться юрьевымъ днемъ.

Вотъ тебѣ кокуй, съ нимъ и ликуй—пожеланіе новобрачной. Кокуй -- кокошникъ — нарядъ замужней женщины.

Всуе законы писати, когда ихъ не исполняти. Изъ указа Петра Великаго 17 апрѣля 1722 г.

Всякій чертъ — Иванъ Ивановичъ! Отвѣчалъ какой-то нѣмецъ-управляющій, Иванъ Ивановичъ, разсердившись на частыя обращенія къ нему рабочихъ.

Всѣмъ-бы дѣвка, да нога. Игра словъ: нога — хромая и нага—не одѣтая, бѣдная.

Въ долгій ящикъ положить. Долгій, продолговатый, ящикъ былъ устроенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ при дворцѣ, въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ; въ этотъ ящикъ желающіе могли опускать челобитныя на имя царя, который ежедневно самъ прочитывалъ ихъ. Хотя изъ царскихъ теремовъ рѣшеніе по такимъ челобитнымъ выходило скорое, но, проходя чрезъ руки бояръ и дьяковъ, дѣло *волочилось*, и слухи про московскую волокиту, несмотря на устройство этого ящика, остались тѣ-же, а самый ящикъ изъ длиннаго превратился въ долгій. Но вѣроятнѣе подъ долгимъ ящикомъ разумѣть *рундукъ*, служившій въ старинныхъ приказахъ одновременно и скамьею для сидѣнія, и архивнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ дьяки сохраняли всѣ бумаги. Въ послѣднемъ смыслѣ, положить въ долгій ящикъ.— соотвѣтствуетъ нынѣшнему выраженію: *положить подъ сукно.*

Въ книгу глядитъ, а огонь говоритъ. На воду глядитъ, а огонь говоритъ. Огонь и попа жжетъ. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, между прочими заботами по управленію церковью, озаботился замѣною рукописныхъ церковныхъ книгъ печатными. Такимъ образомъ, въ 1622 году разосланы были по всѣмъ церквамъ и монастырямъ новые печатные служебники. Но нѣсколько лѣтъ спустя, замѣтили въ этихъ служебникахъ ошибку, а именно, въ молитвѣ на освященіе воды въ навечеріе Богоявленія: «Самъ и нынѣ, Владыко, освятивъ воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ»—послѣднее слово «огнемъ» было лишнее, котораго не было въ греческихъ подлинникахъ. Хотя Патріахъ Филаретъ грамотою 1626 года распорядился отобрать эти служебники и приказалъ замазать въ нихъ лишнее слово *огнемъ*, тѣмъ не менѣе священники, при чтеніи этой молитвы, по привычкѣ, продолжали прибавлять слово «огнемъ».

Въ куль да въ воду—мордовскій судъ.

Въ николинъ день во всякомъ дворѣ пиво. Относится *до Никольщины*, сбѣтнаго праздника, который въ се-

лахъ и городахъ праздновался два дня; къ этому празднику собирались мужики со всего околодка на пиво, которое варилось на общественный счетъ.

Въ полъ двъ воли, т. е. кто осилитъ. Въ старину «полемъ» называлось мѣсто для поединковъ.

Въ русскій часъ много воды утечетъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ измѣренія времени былъ основанъ на количествѣ вытекающей воды, при помощи такъ называемыхъ водяныхъ часовъ.

Голъ, какъ соколъ. Соколъ — одно изъ старинныхъ стѣнобитныхъ орудій, которое обыкновенно выливали изъ чугуна, подвѣшивали на желѣзныхъ цѣпяхъ и съ успѣхомъ ломили имъ всякую стѣну, каменную и деревянную. Иногда такой соколъ дѣлался изъ дерева, окованнаго на одномъ концѣ желѣзомъ, и назывался также тараномъ, или бараномъ. Соколами называются еще ручные ломы, которыми ломаютъ гранитные камни и соль. Соколомъ же называютъ ручную бабу, или трамбовку.

Горе одного рака краситъ, т. е. кипятокъ, въ которомъ онъ варится.

Гуслякъ въ головъ разгулялся. Гуслякомъ, гуслицкою, или богородицкою травою называется хмѣль, разводимый въ большомъ количествѣ въ селѣ Гуслицахъ, Богородицкаго уѣзда.

Да будемъ золоти, яко золото—древнѣйшая клятва. Въ старину желтуха, а также трясца, или лихорадка, назывались златенницей, вѣроятно по той причинѣ, что жаръ, сопровождающій эти болѣзни, придаетъ тѣлу желтый, золотой цвѣтъ; сообразно съ этимъ и слово золотой, или желтый, имѣетъ значеніе несчастнаго, горемычнаго, злого: *житье-то мое желтенькое!*

Далеко кулику до Петрова дня. Стрѣлять дичь воспрещается закономъ до дня Петра и Павла, 29-го Іюня; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Лифляндіи, это правило не распространяется на *куликовъ, которыхъ* можно убивать и до Петрова дня.

Даровому коню въ зубы не смотрятъ. При покупкѣ лошади, главнѣйшее вниманіе обращается на ея зубы, потому что по нимъ опредѣляется возрастъ лошади и, слѣдовательно, ея способность къ труду.

Дай срокъ, не сбей съ ногъ. Въ старину долги, въ случаѣ неплатежа, взыскивались *правежомъ*, по которому должникъ приводился босой къ приказу, до пріѣзда судьи, и уводился съ приказа, когда судья уѣзжалъ. Въ продолженіе этого времени, приставъ, или праветчикъ, который назначался къ каждому должнику, билъ его кнутомъ по голымъ ногамъ, такъ крѣпко, какъ ему было заплачено истцомъ. Такое истязаніе производилось ежедневно, до тѣхъ поръ, пока должникъ или кто-либо посторонній не уплачивалъ долга, или пока не истекалъ узаконенный срокъ правежа, который не долженъ былъ превышать мѣсяца. Дать срокъ, т. е. отсрочить эту позорную мѣру взысканія, чтобы не сбить должника съ ногъ и не лишить его всякаго довѣрія, — было. конечно, во власти заимодавца. Этими порядками объясняются пословицы: *душа согрѣшила, а ноги виноваты,—въ ногахъ правды нѣтъ и др.* Правежъ уничтоженъ Петромъ Великимъ, — каковое обстоятельство отмѣчено пословицей: *впредь на правежъ не поставишь.* Впрочемъ, въ царствованіе Анны Ивановны, Биронъ, за неуплату казенныхъ недоимокъ, приказывалъ ставить виновныхъ босыми ногами на снѣгъ и бить по ногамъ палками.

Дайте кату плату. Катъ—малороссійское названіе палача, который въ старину ходилъ по торгу и собиралъ дань съ возу.

Два брата съ Арбата, а оба горбаты. (Какъ загадка—значитъ оглобли). Арбатъ—отъ татарскаго слова арба, телѣга—слобода мастеровъ колымажнаго двора въ Москвѣ. Здѣсь дѣлались телѣги и всѣ принадлежности къ нимъ.

Дворъ обо дворъ и калитка на дворъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, уничтоживъ поземельную, уста-

новилъ подворную подать, положивъ сборъ съ воротъ. Вслѣдствіе этого, близкіе сосѣди устраивали иногда одни общіе ворота и платили подать въ складчину. Хотя такой порядокъ и представлялъ нѣкоторую выгоду, но, въ случаѣ ссоры между сосѣдями, онъ представлялъ и много неудобствъ, почему въ народѣ сложилась и другая пословица: *не купи домъ, а купи сосѣда.*

Двѣ косы улежатся, а двѣ прялки—никогда. Семь топоровъ вмѣстѣ, а двѣ прялки врозь. Коса и топоръ символъ мужика, а прялка—женщины. Намекъ на сварливость и неуживчивость женщины.

Двѣ собаки грызутся, а третья не приставай. Свои собаки грызутся, а чужая не приставай. Всякіе семейные споры рѣшались въ старину судомъ семейнымъ, или главою семьи; въ такіе суды недолженъ былъ вмѣшиваться чужой человѣкъ—*третей*, который, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, избирался третейскимъ судьею.

День плакать, а вѣкъ радоваться—пожеланіе подругъ невѣстѣ.

Держи камень за пазухой, т. е. будь остороженъ. Москвичъ свидѣтельствуетъ о такомъ обычаѣ, замѣченномъ имъ у русскихъ (въ 1611 г.), когда они, пируя съ поляками, держали на всякій случай камни за пазухой.

Десятая вина виновата—отъ обычая наказывать десятаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ явной улики, и отвѣтственность падаетъ на цѣлое общество.

Дорого яичко къ Великому дню. Въ древности, хотя взятки запрещались, но въ день Воскресенія Христова дозволялось дьякамъ брать, вмѣстѣ съ яйцомъ, нѣсколько червонцевъ, отчего и произошла означенная пословица, которая въ началѣ употреблялась въ ироническомъ смыслѣ, а въ настоящее время понимается почти буквально.

Дороже каменнаго моста. Каменный мостъ въ Москвѣ, построенный по проэкту Кристлера, вызвал-

наго въ Москву царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1643 г., считался въ свое время чудомъ строительнаго искусства и стоилъ баснословныхъ денегъ. Подъ девятой клѣткой (пролетомъ) этого моста имѣли постоянное пристанище бродяги и разные грабители, которые, въ случаѣ надобности, тутъ же хоронили и концы въ воду. Хотя этой клѣтки давно уже не существуетъ, но всякаго рода грабители и по нынѣ называются людьми *изъ-подъ девятой клѣтки.*

Дуй бѣлку въ хвостъ. Насмѣшка надъ неопытными охотниками, которые выбираютъ цѣлью пушистый хвостъ бѣлки.

Дѣло въ шляпѣ (да и шляпа на головѣ). Отъ жеребья, знаки коего обыкновенно кладутъ въ шапку, или шляпу.

Есть Спасъ и за Сухоной. Православные уходили за Сухону отъ всякихъ бѣдъ и преслѣдованій.

Жди череду, когда со стола понесутъ, т. е. остатки пищи съ барскаго стола, или самого на кладбище.

Жена на мужа не докащица. Изъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, Гл. X.

Живой не безъ мѣста, а мертвый не безъ могилы. Въ старое время, въ большихъ городахъ, существовали убогіе дома, или скудельницы, находившіеся подъ смотрѣніемъ Божедома или Бажатаго; онъ выбирался отъ всего города изъ числа нищихъ и жилъ совершенно одиноко—*одинъ какъ Божедомъ.* Въ этихъ убогихъ домахъ собирались тѣла самоубійцъ, казненныхъ, утопленниковъ и замерзшихъ, которыя лежали здѣсь не отпѣтыми и не погребенными всю зиму, *до семика*, въ который погребались на счетъ общественныхъ подаяній, при большомъ стеченіи народа. Въ этихъ же убогихъ домахъ, подъ смотрѣніемъ того же Божедома, воспитывались подкидыши—*богданушки.* Такимъ образомъ, въ этихъ скудельницахъ покрывались христіанскимъ милосердіемъ и несчастное рожденіе, и несчастная смерть—находилось мѣсто *и живому и мертвому.*

Живъ, живъ, курилка, не умеръ. Курилка—игра съ зажженною спичкою (курилкою), которую передаютъ изъ рукъ въ руки, съ приговоркою: живъ, живъ, курилка, не умеръ, причемъ поютъ особую пѣсню курилку. Курилкою въ народѣ называется пьяница, гуляка, кутила.

Жили не люди, а умерли не родители. Родителями въ народѣ называются вообще покойники, которыхъ поминаютъ въ такъ называемыя родительскія субботы. Смыслъ пословицы тотъ, что кто живетъ не по-людски, тотъ не будетъ помянутъ и послѣ смерти.

Жить въ Римѣ, а брести во тьму. Относиться къ митрополиту Исидору, который, будучи въ Римѣ, отступилъ отъ Православія, или къ Паисію Лагариду, который въ XVII вѣкѣ принялъ въ Римѣ католичество. Брести во тьму—означаетъ заблужденіе отступившагося отъ Православія.

Житье блинамъ на поминкахъ, гдѣ они подаются прежде всего, а въ другихъ случаяхъ, какъ на свадьбѣ, въ концѣ обѣда.

Житье, что попадья за попомъ, т. е. спокойное. Попъ бережетъ попадью, потому что въ другой разъ женится не можетъ.

За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Изъ рѣчи Петра Великаго: «хотя по пословицѣ: Богъ высоко, а царь далеко, однако у перваго молитва, а у второго служба не пропадаютъ».

За Пьяною люди пьяны. За два года до нашествія Мамая, русскіе потерпѣли (1377 г.) пораженіе за рѣкою Пьяною, вслѣдствіе безпечности своихъ воеводъ, которые, повѣривъ, что Татары далеко, предавались веселью и пьянству.

Злье зла честь татарская. Угощеніе татаръ не нравилось русскимъ, которые считали грѣхомъ ѣсть и пить съ некрещенными.

Знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, т. е. хитеръ. Рѣчные раки на зиму зарываются въ глубокія норы, гдѣ и остаются, въ состояніи оцѣпенѣнія, до самой весны.

И ракитовой кустъ за правду стоитъ. Отъ были, гдѣ ракитовый кустъ, бывшій свидѣтелемъ убійства, вызвалъ въ убійцѣ воспоминанія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ произнесъ нѣсколько словъ, послужившихъ впослѣдствіи поводомъ къ обнаруженію его преступленія.

Иному слонъ—не слонъ, а страшенъ тараканъ. О Петрѣ Великомъ, который, отличаясь храбростью и неустрашимостью, боялся, какъ говорятъ, таракановъ.

Казаки при порогахъ, что пни при дорогахъ, т. е. зацѣпятъ всякаго, кто поѣдетъ мимо.

Казакъ коли не украдетъ, такъ разобьетъ. Говорятъ, что атаманъ казаковъ, Графъ Платовъ, представляясь императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, разбилъ по неосторожности дорогую вазу и, оправившись отъ смущенія, оправдывался приведенными словами, которыя вошли потомъ въ пословицу. Хотя, съ другой стороны, возможно предположить, что пословица существовала и ранѣе, но была удачно примѣнена Платовымъ къ этому случаю.

Казанская сирота. Плутъ, прикидывающійся бѣднякомъ, происходящимъ отъ бывшихъ мурзъ казанскихъ, которыхъ въ Москвѣ ласкали не только въ первое время послѣ покоренія Казани, но и гораздо позже, особенно, когда мурзы принимали христіанство.

Какой онъ вичъ. Наши вичи пѣдятъ калачи. Праго именоваться съ *вичемъ*, т. е. писать отчество съ окончаніемъ *вичъ*, предоставлялось лишь людямъ родовитымъ и знатнымъ; но иногда и имъ запрещалось пользоваться этимъ правомъ: такъ, напримѣръ, Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ — «писати государевы грамоты безъ вичей»

Какъ вкопанная. Въ указѣ Алексѣя Михайловича 1663 г. сказано: «женокъ за убійство мужей противъ уложенія окапывать землю.» Иностранные путешественники разсказываютъ, что видѣли въ Москвѣ, на

Красной площади, женщинъ, зарытыхъ по шею въ землю, которыя въ такомъ положеніи оканчивали свою жизнь.

Какъ Петровки въ варежкахъ— не нуждаются.

Какъ Срѣшневъ на колу. Хотъ на колъ, такъ соколъ. Ужасная казнь сажанія на колъ неоднократно примѣнялась въ Россіи, не только при Іоаннѣ Грозномъ, но и при Петрѣ Великомъ, при которомъ былъ посаженъ на колъ Срѣшневъ.

Князь Борисъ все плуги ковалъ да людямъ давалъ. Въ Малороссіи существуетъ преданіе, что Борисъ и Глѣбъ выковали первый плугъ, въ который запрягли страшнаго змія, опустошавшаго дотолѣ страну.

Коломенская верста. Съ коломенскую версту. Царь Алексѣй Михайловичъ особенно любилъ подмосковное село свое Коломенское. Въ числѣ прочихъ заботъ по украшенію этого села, по указу царя, вновь было измѣрено разстояніе отъ Москвы до села Коломенскаго, а по дорогѣ были поставлены верстовые столбы такой величины, какихъ прежде и не видывали.

Кто бабкѣ не внукъ, т. е. кто не грѣшенъ. Повивальныя бабки называютъ внуками всѣхъ тѣхъ, кого они принимали при рожденіи, которое само по себѣ уже грѣховно.

Кто празднику радъ, тотъ до—свѣту пьянъ. Герберштейнъ разсказываетъ, что простому народу дозволялось пить водку только въ праздники, вслѣдствіе чего многіе начинали пить и напивались еще до свѣту.

Къ Варварѣ—на расправу (потянули). Застѣнокъ для пытки въ Москвѣ на Варваркѣ, у Варварскихъ воротъ.

Къ кому Богородица, а къ намъ — Литва. Относится къ XIV-му вѣку, когда одовременно съ принесеніемъ иконы Владимірскія Б. М., Москва была избавлена отъ нашествія Тамерлана, между тѣмъ какъ Витовтъ въ то-же время взялъ и ограбилъ Смоленскъ.

Лады у воды. Древняя богиня Ладо считалась покровительницею брачныхъ союзовъ. По Нестору, древнѣйшіе браки заключались въ умыканіи у воды дѣвицъ. Затѣмъ, самый разводъ супруговъ, по свидѣтельству Барберини, совершался такимъ образомъ: мужъ и жена идутъ къ проточной водѣ и становятся другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ; потомъ берутъ въ руки тонкую холстину и тянутъ ее до тѣхъ поръ, пока она не разорвется—этимъ обстоятельствомъ какъ бы узаконялся самый разводъ, который въ ироническомъ смыслѣ, можетъ быть, и назывался *ладами у воды.*

Лежачаго не бьютъ. Изъ указа Петра II, 21 Іюля 1726 г., о кулачныхъ бояхъ: «кто упадетъ, лежащихъ никого не били бы».

Лоскутъ на воротъ, а кнутъ на спину. О раскольникахъ, которымъ при Петрѣ Великомъ навѣшивали на воротъ лоскутъ для отличія отъ прочихъ.

Лукъ татаринъ. Горькій лукъ татаринъ. Татары производили свои набѣги на русскія окрайны и раззоряли ихъ раннею весною, одновременно съ появленіемъ въ поляхъ дикаго луку.

Лучинка съ вѣрою, чѣмъ не свѣча? Лучинки, вмѣсто свѣчей, употреблялись въ XV вѣкѣ въ Троице-Сергіевой лаврѣ во время всенощныхъ Богослуженій.

Любитъ тепло и дымъ терпѣть. Отъ курныхъ избъ, въ которыхъ печи устраиваются безъ трубъ, а дымъ выходитъ въ двери, наполняя собою всю избу. Дымъ выходя изъ избы, смотря по состоянію погоды или стелется «волокомъ», или переливается дугой—«коромысломъ,» либо идетъ къ верху—«столбомъ». По этимъ примѣтамъ обыкновенно гадаютъ на погоду: ведро или ненастье, дождь или вѣтеръ. Дымъ столбомъ, коромысломъ, примѣнительно, говорятъ про всякую сутолоку, ссору, свалку.

Лясы (балясы) точить. Балясы или лясы общеизвѣстныя украшенія на лѣстницахъ, балконахъ и сходахъ—*приготовляются* не на прямую пользу, а для

потѣхи, и не для всякаго, а только для богатаго и хвастливаго, а потому точить лясы—эти безполезныя украшенія считается, въ главахъ людей серьезныхъ, дѣломъ пустымъ.

Макушка лѣта устали не знаетъ. Макушка—конецъ лѣта, страдная пора, когда крестьянамъ приходится работать не обращая вниманія на усталость.

Мамай воевалъ—говорится о всякомъ безпорядкѣ и разгромѣ, въ воспоминаніе о битвѣ съ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ.

Между двухъ огней. Въ Ордѣ было обыкновеніе проводить между двухъ костровъ русскихъ князей и пословъ, которые пріѣзжали къ Хану съ податями или съ жалобами.

Межъ сохой да межъ бороной не ухоронишься, т. е. одной пашней, безъ посторонняго промысла, мужикъ не прокормится.

Мели, Емеля, твоя недѣля. Издревле у русскаго народа существовалъ обычай распредѣлять домашнія работы, особенно въ многосемейныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, по очереди, между всѣми членами семьи; обыкновенно, такія очереди устанавливаются на недѣльные сроки. Въ насмѣшку и бездѣльнику, неспособному къ труду члену семьи, тоже полагается очередная недѣля—молоть всякій вздоръ.

Молода: въ Саксоніи не была. Во время войнъ 1812—15 годовъ русскія войска доходили до Дрездена, столицы Саксоніи. По возвращеніи домой, солдаты хвастались, конечно, тѣмъ, что были въ Саксоніи и относились съ насмѣшкою къ тѣмъ, которые оставались дома,—что, главнымъ образомъ, касалось женщинъ.

Москва сгорѣла отъ денежной свѣчки.—Въ 1443 году большой пожаръ въ Москвѣ произошелъ отъ свѣчи въ церкви Николы на Песку, а въ 1537 г.—отъ свѣчи въ домѣ Милославскаго.

Мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу. По рабѣ холопъ, по холопу раба. По русской правдѣ,

женившійся на рабѣ, безъ всякаго условія съ ея господиномъ, лишался свободы; по Уложенію, свободный человѣкъ, женившійся на крѣпостной, или наоборотъ, почитались крѣпостными.

Мѣсяцъ—казачье солнышко, потому что набѣги казаковъ чаще совершались подъ мракомъ ночи.

На воръ и шапка горитъ — закричалъ торгъ, а воръ и схватился за свою шапку, чѣмъ и выдалъ себя.

На деньгахъ нѣтъ знака, т. е. неизвѣстно, кѣмъ и какимъ путемъ нажиты.

На кутніе-бы засмѣялся (малороссійская). Кутними—называются коренные зубы, которые бываютъ видны въ то время, когда человѣкъ плачетъ.

На нашей улицѣ праздникъ. Церковные праздники праздновались въ прежнее время всѣмъ приходомъ (улицей), на общественный счетъ, а самое празднованіе сопровождалось обыкновенно разными пиршествами, попойками, ярмарками, на которыя приглашались родные и знакомые съ окрестныхъ селъ и деревень.

На недѣлѣ семь пятницъ — говорятъ о человѣкѣ не постоянномъ, не исполняющемъ своихъ обѣщаній. Полагаютъ, что пятница совпала съ какимъ либо древнимъ языческимъ праздникомъ, и потому она, съ давнихъ поръ, является обѣтнымъ срочнымъ днемъ для исполненія всякихъ обязательствъ, а также торговымъ днемъ по преимуществу, особенно десять такъ называемыхъ торговыхъ пятницъ, слѣдующихъ въ продолженіи первыхъ десяти недѣль послѣ Пасхи. Во многихъ мѣстахъ Россіи пятница и теперь почитается какъ день праздничный. Самое имя пятница присвоено мученицѣ Параскевѣ, которая пользуется въ народѣ особымъ почитаніемъ; въ честь ея строилось русскими людьми всегда много храмовъ и часовень и, между прочимъ, въ Москвѣ, на Красной площади, было построено семь обѣтныхъ Пятницъ, т. е. церквей во имя Параскевы-Пятницы.

На пестрой (недѣлѣ) жениться съ бѣдой породниться. Оттого и баба пестра, что на пестрой замужъ шла. Пестрыми недѣлями въ народѣ называются: недѣля передъ Масляницей и недѣля послѣ Святой. По народному мнѣнію, кто женится на этихъ недѣляхъ, тотъ будетъ жить бѣдно или, какъ говорится въ народѣ, пестро.

На плотахъ перевѣшаю, да внизъ спущу—отъ стариннаго обычая спускать по Волгѣ повѣшенныхъ на висѣльницахъ, устроенныхъ на плотахъ.

На томъ свѣтѣ угольками (отдать долгъ). По народному представленію въ аду, гдѣ грѣшники, главнымъ образомъ, будутъ мучиться въ вѣчномъ огнѣ, не будетъ недостатка въ уголькахъ.

На шереметьевъ счетъ, т. е. безплатно, даромъ. Извѣстный богачъ, графъ Шереметьевъ, очень часто устраивалъ богатые пиры, на которые приглашалось много гостей. Пиры эти отличались роскошнымъ угощеніемъ, разными увеселительными прогулками и затѣями, и происходили такъ часто, что породили особыхъ любителей дарового угощенія—на шереметьевъ счетъ.

Наигули да воткнули. Шуточный отвѣтъ на вопросъ: какимъ образомъ поставили крестъ на колокольню Ивана Великаго въ Москвѣ.

Наше счастье—на мосту съ чашкой, т. е. нищенскій удѣлъ. Мосты на большихъ проѣзжихъ дорогахъ всегда предпочитались нищими, какъ лучшія мѣста для прошенія милостыни. Здѣсь они усаживались на видныхъ мѣстахъ и, держа въ рукахъ деревянныя чашки для сбора денегъ, *пѣли Лазаря* и другія духовныя пѣсни.

Нашъ Касьянъ на что не взглянетъ— все завянетъ. Високосный годъ, *годъ со днемъ*, считается въ народѣ несчастнымъ, а потому и Касьянъ—отъ Касьяна, память котораго празднуется церковью черезъ четыре года, только въ високосный годъ, 29-го Февраля,— *считается человѣкомъ немилостливымъ*, несчастнымъ.

Не Богу молиться, такъ горшки покрывать—говорится объ иконахъ суздальскихъ богомазовъ.

Не всегда поповымъ ребятамъ Дмитріева суббота. Дмитріева суббота установлена великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ для поминовенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ въ 1380 году; въ эту субботу, предшествующую дню Дмитрія Селунскаго 26-го Октября, поповымъ ребятамъ, при служеніи панихидъ, выпадаютъ обильныя подачки.

Не величка, да кузьмичка. Кузьмою въ народѣ называютъ вообще человѣка хитраго, плута, откуда: *подкузьмить* значитъ хитро поддѣть, обмануть и *кузьмичка*—хитра, опасна.

Не въ своей тарелкѣ— сердитъ, не доволенъ. Пословица заимствована съ французскаго языка, гдѣ слово assiette—означаетъ мѣсто, приборъ за столомъ, но на русскій языкъ неправильно переведено словомъ *тарелка.*

Не диво, что у царя жена хороша—отъ древняго обычая выбирать для царя невѣсту.

Не жаль подворья, а жаль волокитъ, т. е. не жаль того, что сгорѣло подворье, а жаль волокитъ по судамъ.

Не знаетъ какому святому молиться. Православный русскій человѣкъ, во время болѣзни и несчастія, или приступая къ какому либо дѣлу, обыкновенно обращается съ молитвами къ святому, которому, по народному убѣжденію, приписывается покровительство начинаемому дѣлу, или заступничество въ постигшемъ несчастіи. Но бываютъ особенныя стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, когда человѣкъ теряется и не знаетъ уже какому святому, въ этомъ случаѣ, надо молиться.

Не пухъ, а мяко сидится — говорится о казачей сѣдельной подушкѣ, въ которую казаки имѣли обыкновеніе зашивать деньги и разныя цѣнности.

Не скажешь подлинную, такъ скажешь подноготную. Въ старину доносчикъ и обвиняемый приводи-

лись въ Судную избу, гдѣ допрашивали сначала доносчика, а потомъ обвиняемаго. Если обвиняемый не признавалъ себя виновнымъ, то доносчику и обвиняемому давалась *очная ставка;* когда и на очной ставкѣ стороны оставались при своихъ показаніяхъ, то доносчика уводили въ особую пристройку за стѣною Судной избы, въ застѣнокъ, и начинали пытать его—*доносчику первый кнутъ.* Если съ трехъ пытокъ онъ подтверждалъ свой доносъ, тогда начинали пытать обвиняемаго, съ цѣлью добиться отъ него сознанія. Пытки начинались, обыкновенно, съ слабѣйшей, а затѣмъ постепенно замѣнялись болѣе замысловатыми способами истязанія, отъ которыхъ человѣкъ приходилъ въ состояніе врать что угодно, лишь бы скорѣе окончилась пытка. Въ такомъ порядкѣ постепенности, пытку начинали обыкновенно съ палокъ (длинниковъ), которыми били пытаемаго по спинѣ, а рѣчи которыя онъ произносилъ, подъ длинниками, или подъ линьками, назывались *подлинными рѣчами, или подлинной правдой.* Послѣ подлинной правды пытаемаго заставляли еще говорить *правду подноготную,* для каковой цѣли ему забивали подъ ногти пальцевъ на рукахъ и на ногахъ желѣзные гвозди, или деревянные клинья, зажавъ предварительно пальцы въ особыя клещи.

Не Спасъ обыденный, поспѣшь. Обыденныя церкви строились, по обѣщанію, всѣмъ міромъ, въ одинъ день.

Не столько смертей, сколько скорбей. Въ Москвѣ, во время чумы 1771 года, близъ Андроніева монастыря было отведено особое поле, куда свозили всѣхъ зачумленныхъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ мертвыми, лежали умирающіе и выздоравливающіе, стоны и вопли которыхъ наводили на посѣтителей болѣе ужаса и скорби, чѣмъ трупы умершихъ.

Не сули царства небеснаго, да не бей кнутомъ. Осталось отъ преслѣдованія раскольниковъ Петромъ Великимъ.

Невольники бываютъ счастливы—говорится о дѣтяхъ, которыя воспитываются родителями въ неволѣ, т. е. строго.

Невѣста родится, а женихъ на конь садится: указывается на разницу лѣтъ жениха и невѣсты. Языческій обрядъ сажанія на коня, съ постриженіемъ волосъ, при чемъ были воспреемники, какъ и при крещеніи, означалъ вступленіе ребенка въ число гражданъ. Обрядъ этотъ совершался надъ мальчиками 3—7 лѣтъ.

Ни дна—ни покрышки. Злое пожеланіе—быть похороненнымъ безъ гроба (дна) и покрышки—неотъемлемой къ нему крышки и покрова, а въ переносномъ смыслѣ, безъ отпѣванія и безъ соблюденія христіанскаго обряда погребенія.

Ни кола, ни двора. Коломъ въ старину называли земельные участки, вѣроятно, по причинѣ простѣйшаго способа измѣренія земли, при помощи палки, кола. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи земельные участки крестьянъ и теперь называются *колами.*

Нужда научитъ калачи ѣсть, т. е. идти на заработки въ низовыя губерніи, гдѣ обыкновенно ѣдятъ бѣлый пшеничный хлѣбъ.

Объ исходѣ съ ума сходятъ. По народному мнѣнію, люди сходятъ съ ума преимущественно во время ущерба луны (исхода); около этого-же времени у помѣшанныхъ уже усиливаются болѣзненные припадки.

Одни воры телѣги подмазываютъ. Крымскіе татары обыкновенно не мажутъ колесъ, отчего, во время ѣзды, колеса издаютъ ужасный скрипъ и визгъ, которыхъ, по мнѣнію татаръ, можетъ быть высказываемому въ шутку, избѣгаютъ только воры, желающіе проѣхать какъ можно тише, чтобы ихъ не услышали.

Отставной козы барабанщикъ. Цыгане, татары, а иногда и какой-либо лѣнивый мужикъ, недавно еще *водили ученыхъ* медвѣдей, которые на потѣху празд-

наго люда показывали разныя штуки: какъ бабы на барщину ходятъ, какъ дѣвки горохъ воруютъ и проч. Эти представленія сопровождались забавными прибаутками «поводыря», а иногда въ нихъ принималъ еще участіе *козырятникъ*, который надѣвалъ на голову холщевый мѣшокъ, съ придѣланнымъ къ нему подобіемъ козлиной головы, и плясалъ около медвѣдя, стуча въ барабанъ, замѣняемый иногда лукошкомъ. На легкомъ промыслѣ, пьянствуя съ малыхъ лѣтъ, эти козы—барабанщики избаловывались въ конецъ, а если, по какимъ-либо причинамъ, становились отставными, то уже считались совсѣмъ никуда негодными. Обыкновенно, этимъ именемъ называли отставныхъ солдатъ, отвыкшихъ отъ всякой работы и хваставшихся своими небывалыми походами и подвигами.

Отъ доски до доски (прочитать). Въ старину былъ обычай ставить въ переплетъ книгъ доски, вмѣсто употребляемаго нынѣ для этой цѣли картона; поэтому выраженіе: отъ доски до доски—значитъ тоже, что отъ крышки до крышки, отъ начала и до конца.

По вольности дворянства—отъ манифеста Петра III о вольности дворянской.

По рукамъ, да и въ баню. Сватовство, въ старину, какъ торговая сдѣлка, заключалось рукобитьемъ, а затѣмъ въ число свадебныхъ обрядовъ входило также и мытье молодыхъ въ банѣ.

По Сенькѣ и шапка, (по Еремѣ и колпакъ). Въ старину знатные бояре, въ торжественныхъ случаяхъ, надѣвали высокія бобровыя шапки, извѣстныя подъ именемъ *горлатныхъ*. Чѣмъ древнѣе и знатнѣе былъ родъ, тѣмъ выше была и шапка, такъ что у нѣкоторыхъ болѣе знатныхъ бояръ бывали шапки до аршина вышиною.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ. По древнимъ законамъ, обидчикъ выдавался обиженному головой: онъ посылался къ обиженному и долженъ былъ просить и *кланяться ему до* тѣхъ поръ, пока послѣдній

не прощалъ его. Свое прощеніе обиженный выражалъ обыкновенно словами, обращенными къ обидчику: повинную голову и мечъ не сѣчетъ.

Погибоша, яко Обри. Обри—Авары, жившіе въ VI и VII в. въ нынѣшней Валахіи, были истреблены моровою язвою.

Подавайся по рукамъ, легче будетъ волосамъ. Съ XIII вѣка въ Россіи стали извѣстными судебные поединки, или бои усобные, къ которымъ прибѣгали тяжущіеся для разрѣшенія своихъ споровъ и тяжбъ, по пословицѣ: *кто сильнѣе, тотъ и правѣе.* На судебные псединки противники должны были выходить рано утромъ, на-тощакъ, какъ бы на присягу, биться одинаковымъ оружіемъ, большею частью ослопами или дубинами. Одинъ изъ способовъ состязанія тяжущихся состоялъ въ томъ, что они становились на противоположныхъ берегахъ узкой рѣчки или канавки, брали другъ друга за волосы и тягались такимъ образомъ, въ присутствіи свидѣтелей изъ лучшихъ людей. Предъ такою тяжбою можно было примириться, на что и указываетъ пословица: подавайся по рукамъ, легче будетъ волосамъ, а равно и другія, какъ напр.: *до поля воля, а въ полѣ по неволѣ* (мѣста для судныхъ поединковъ назывались полями).

Подкладка дороже кафтана—отъ обычая зашивать въ подкладку деньги.

Подъ красную шапку отдать, т. е. въ солдаты. Въ прежнее время отдатчики солдатъ должны были снабдить рекрута красною шапкою, бердышомъ и проч.

Подъ святыми лежалъ—отъ обычая класть умирающихъ подъ иконы еще за-живо.

Пожаловать двумя столбами съ перекладиной — т. е. повѣсить.

Полно врать, гдѣ тебѣ Куракина знать: онъ плѣшивый. Бояринъ князь Ѳ. Ѳ. Куракинъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, рѣдко показывался народу, который памятуя его заслуги, дорожилъ его *именемъ и* всегда искалъ случая увидѣть его. При

встрѣчѣ одного боярскаго выѣзда, кто-то ихъ народа сталъ увѣрять, что это ѣдетъ Куракинъ, на что содѣдъ отвѣтилъ ему приведенными словами, которыя вошли въ пословицу.

Помни мостъ и перевозъ—отъ обычая, существовавшаго въ Россіи, взыскивать пошлины за перевозъ и проѣздъ по мостамъ.

Попасть въ просакъ. Просакъ—веревочный станъ, нити, изъ которыхъ сучится веревка или канатъ.

Ословъ не сѣкутъ, не рубятъ, а только жалуютъ. Отвѣтъ царя Ивана Васильевича Грознаго посламъ Сигизмунда, которые опасались ѣхать къ нему въ Москву.

Послѣ дождичка въ четвергъ. Полагаютъ, что, во времена язычества, четвергъ былъ посвященъ Перуну—Бога грома и молніи, которому народъ молился въ этотъ день о дождѣ. Со времени же введенія христіанства, когда вѣра въ Перуна была поколеблена, исполненіе чего-либо несбыточнаго стали относить на четвергъ, послѣ дождичка.

Пошли животы на Великаго Государя. Въ старину, если на кого-либо налагалась царская опала, то имущество (животы) виновнаго отписывались на Великаго Государя.

Пришла честь и на капусту, т. е. великій постъ, когда народъ преимущественно питается капустой.

Проклятые москали наставили столбовъ и пропхать негдѣ — сказалъ хохолъ, зацѣпившись возомъ за верстовой столбъ на большой дорогѣ.

Пропалъ, какъ Бековичъ. Бековичъ былъ посланъ Петромъ Великимъ въ Хиву для развѣдокъ о золотыхъ пескахъ, но хивинцы умертвили его.

Пропалъ, какъ Шведъ подъ Полтавой. Воспоминаніе о рѣшительномъ пораженіи шведовъ Петромъ Великимъ въ битвѣ подъ Полтавой.

Прошелъ огонь и воды, и мѣдныя трубы — такимъ образомъ приготовляется спиртъ; примѣнительно говорится *о человѣкѣ* отчаянномъ.

Пускать пыль въ глаза, т. е. хвастать. Барберини разсказываетъ, что однажды, во время поединка ли, твина съ русскимъ, первый запасся мелкимъ пескомъ-которымъ засыпалъ глаза русскому, благодаря чему и побѣдилъ его. Послѣ этого случая иностранцамъ было запрешено принимать участіе въ поединкахъ.

Пустить краснаго пѣтуха, т. е. поджечь. Пѣтухъ у славянскихъ народовъ служилъ символомъ бога огня, которому онъ приносился въ жертву. Символическое значеніе огня присвоено пѣтуху вѣроятно потому, что пѣніемъ своимъ онъ предвѣщаетъ появленіе зари и свѣта.

Радъ госпожѣ, что меду на ножѣ: полижешь, да и обрѣжешься. Отъ крѣпостного права, когда для крѣпостного человѣка пользоваться расположеніемъ госпожи—представлялось дѣломъ рискованнымъ и опаснымъ.

Разсказывай казаку азовскіе вѣсти. Казаки принимали видное участіе въ дѣлѣ взятія Азова, вслѣдствіе чего всякія новости и перемѣны въ положеніи этого дѣла имъ своевременно были извѣстны.

Разъѣздился, какъ мордва на Богоявленье. У мордвы существуетъ обычай кататься въ день Богоявленья, запрягая по-перемѣнно всѣхъ лошадей.

Романе, михимъ живеши: литвиномъ орши. Зле, Романе, робиши, что литвиномъ орешъ. Галицкій князь Романъ былъ извѣстенъ своею жестокостью, а также и великій князь Романъ Ростиславовичъ, который, послѣ побѣды надъ литовцами въ 1173 г., какъ говорятъ, впрягалъ плѣнныхъ литовцевъ въ соху.

Русскій мѣсяцъ подождетъ, потому что Юліанское лѣтосчисленіе, которое введено въ Россіи, отстаетъ отъ новаго, Григоріанскаго, принятаго на Западѣ, на 12 дней.

Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти—отвѣтъ великаго князя Владиміра магометанскимъ посламъ, пріѣзжавшимъ съ цѣлью склонить Владиміра *къ принятію* ислама

Серьга въ ухѣ — плутъ парень. Ужъ виденъ холопъ: серьга въ ухѣ. По примѣру восточныхъ народовъ и у русскихъ серьга въ ухѣ служила признакомъ рабства.

Сила солому ломитъ. Намекъ на тяжелую работу—жатву, гдѣ требуется большая сила, чтобы снять съ корня хлѣбъ (солому).

Снять шапку (платокъ). Въ центрѣ городской жизни въ Москвѣ—на площади—обличались и пристыживались виновные, усовѣщевались несостоятельные должники, съ которыхъ иногда снимали шапку, а съ женщинъ платокъ — *опростоволосивали*, лишая, тѣмъ самымъ, ихъ всякаго довѣрія. Такое публичное лишеніе довѣрія считалось родовымъ укоромъ. Самоуправство надъ должниками было запрещено въ XVIII вѣкѣ, вслѣдствіе чего вѣроятно и появилось выраженіе: что съ нимъ дѣлать — *съ него шапку не соймешь.*

Сперва купи мѣсто, а тамъ и садись. Отъ свадебнаго обычая, по которому женихъ долженъ купить мѣсто у родственниковъ невѣсты, послѣ чего можетъ только садиться рядомъ съ нею.

Спитъ какъ коней продавши, т. е. напившись съ магарычей.

Спустя рукава дѣлать. Рукава у верхней одежды въ прежнее время дѣлались столь длинными, что будучи спущены, они доходили до колѣнъ, а иногда и до пятъ. Взять или сдѣлать что-либо руками, когда спущены рукава, было неудобно, а нужно было сначала поднять рукава на руки сборками.

Спѣла свинья волку пѣсенку. Изъ народной сказки, гдѣ волкъ пришелъ ѣсть свинью, но та попросила у него позволенія спѣть пѣсенку — вспомнить старину. Пока свинья пѣла пѣсенку, сбѣжались кабаны и растерзали волка.

Согнуть въ три погибели — пытка состоявшая въ томъ, что допрашиваемому привязывали голову къ ногамъ веревкою, въ которую вдѣвали палку и вер-

тѣли ею до тѣхъ поръ, пока голова пригибалась къ ногамъ.

Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ. По народному повѣрью, раны отъ укушенія собаки скоро заживаютъ, если къ нимъ приложить жженой шерсти укусившей собаки, а потому, въ случаѣ нападенія собаки, считается цѣлесообразнымъ вырвать у нея клокъ шерсти.

Съ одной стороны черемиса, а съ другой—берегися. Въ 1524 году русскія войска были посланы въ Казань на судахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга усѣяна порогами, черемисы запрудили ее еще камнями, а сами, когда суда разбивались о камни, напали на русскихъ.

Съ чужого коня среди грязи долой. Заимствовано изъ Русской Правды: «аще кто всядетъ на чужъ конь, не прошавъ, ино ему три гривны».

Турусы на колесахъ (разсказывать). Туры, или турусы,—древнія стѣнобитныя машины, которыя передвигались на колесахъ; такіе снаряды у римлянъ извѣстны были подъ именемъ turres (башни). Полагаютъ также, что слово турусы есть испорченное татарское *улусы* — войлочныя кибитки для жилья, которыя перевозились на колесахъ. Русскіе, побывавши въ татарскихъ улусахъ съ поклонами и поминками и возвратясь домой, разсказывали о странномъ житьѣ татаръ: о турусахъ на колесахъ.

У черта на куличкахъ. Кулигами, или кулижками, называются прогалины или поляны въ лѣсахъ. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, за недостаткомъ мѣстъ для поселенія, иногда вырубались такія искусственныя кулиги. А когда и на искусственныхъ кулигахъ становилось жить тѣсно, то недовольные уходили дальше въ лѣсъ, очищали себѣ новыя мѣста для поселенія, причемъ заходили иногда такъ далеко, что отъ нихъ не доходило никакихъ вѣстей: забирались, какъ говорится, къ черту на кулички. Въ Москвѣ, при церкви *Кира и Іоанна* въ Кулижкахъ была устроена

патріархомъ Іовомъ богадѣльня или нищепитательница, въ которую вселился демонъ. Демонъ этотъ былъ изгнанъ изъ богадѣльни, молитвами преподобнаго Иларіона. Можетъ быть, проказы этого демона, о которыхъ существовало много сказаній послужили также поводомъ относить все пропавшее къ черту на кулички.

Удастся голубецъ, не надобенъ дубецъ. Дубецъ вѣтка отъ дерева, прутъ, которымъ издревле производилось поруганіе *стегнъ*. Голубою лошадью, голубцомъ, называютъ лошадь пепельнаго цвѣта, отдающаго желтизной. Про голубую лошадь обыкновенно думаютъ, что она рѣдко удается: требуется особое счастье на голубую лошадь.

Удача—поповичъ, просвирнинъ сынъ, потому что рѣдкій удается.

Хлебай уху, а рыба вверху. Въ низовьяхъ Волги рыба скупается и идетъ вверхъ—въ столицы; народъ же ѣстъ простую разварную рыбу.

Ходитъ козыремъ. Козырь — высокій воротникъ, вышитый золотомъ, серебромъ и унизинный драгоцѣнными камнями: онъ прикрѣплялся къ вороту наряднаго кафтана и придавалъ человѣку прямое и гордое положеніе. Отъ этихъ воротниковъ-козырей и въ настоящее время козыремъ называется вообще все то, что рѣзко выдѣляется, какъ напримѣръ, карта, которая бьетъ всѣ масти.

Хоть матушку рѣпку пой. Въ числѣ замысловатыхъ инструментовъ пытки были особаго рода клещи—называемыя *рѣпкой*, по внѣшнему виду верхней половинки, похожей на рѣпу. Клещами этими сжимали ногти до такой боли, что человѣкъ приходилъ въ состояніе говорить на себя и на другихъ что угодно.

Царь не огонь, а, ходя близъ него, опалиться. Намекъ на царскую опалу.

Чтобы узнать человѣка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть, т. е. прожить съ нимъ такъ долго, сколько времени пройдетъ, пока можно съѣсть пудъ соли.

Чужую бѣду на бобахъ разведу (*а къ своей бѣдѣ ума не приложу*). Отъ обычая гадать на бобахъ.

Шемякинъ судъ. Дмитрій Шемяка, который ослѣпилъ великаго князя Василія Темнаго (1446 г.) и завладѣлъ его престоломъ, былъ столь жестокъ и несправедливъ, что съ того времени всякій несправедливый судъ называютъ *судомъ шемякинымъ.*

Шиворотъ-на-выворотъ. Шиворотъ—воротникъ, надѣтый на изнанку (а вмѣстѣ съ нимъ и самая одежда)—означаетъ несчастіе, неудачу. Во времена Іоанна Грознаго на виновнаго, съ цѣлью опозорить, надѣвали верхнюю одежду на изнанку и сажали на лошадь лицомъ къ хвосту.

Яганова пушка своихъ побиваетъ—о разрывѣ большой пушки у непріятеля, при осадѣ Порхова Витовтомъ въ 1431 году.

2 5

Zor. 20/XII 94.

ЛМ 423640

Цѣна 30 коп.

PN 6505 .S5 .E7 1894 C.1
Poslovitsy russkago naroda.
Stanford University Libraries
3 6105 037 144 677

PN
6505
.S5.E7
1894

SPRING 1980

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305